

АЛЕКСАНДР МОСИЕНКО

О ТОЙ РАСПРОКЛЯТОЙ ВОЙНЕ

РАССКАЗЫ

МЕТЕЛЬ В МАРТЕ СОРОК ПЯТОГО

В конце февраля Мария Худякова слегла. Каждый день газеты и радио кричали о победоносном шествии Красной Армии, рвавшей в логово фашистского зверя. До победы оставалось рукой подать. Гитлеру “капут”. В этом уже никто не сомневался. Те, кто получил похоронки или уведомления о “пропавшем без вести”, еще надеялись на чудо. У Марии не было вообще никаких вестей от отца. Целых полгода! Ни слуху, ни духу. А тут простуда, да еще какая-то чертовина ела ее изнутри. Мария исхудала — ничего почти не осталось от той бедовой, всегда веселой хохотушки. Не до смеха было: мальчишки ее, Шурка и Юрка, совсем от рук отбились, ничего по дому не делают. Одно на уме — улица. Хорошо, что школу не бросили. Шурка в третьем, а Юрка во втором классах. И оба успевают, хотя усердия никакого. Сразу после школы — на улицу, как говорила Мария, гойдать, попросту — гулять. А дома не убрано, коровка не поена, не кормлена, ревет на все дворы, пока кто-нибудь из соседей не покормит.

Сама же Мария ни дня, ни ночи не знает — все в колхозе, а толку-то: трудней много, но ими сыт не будешь. Коровка в этот год не телилась, и молока всего два литра дает, да и то приходится сдавать государству. Вла-

МОСИЕНКО Александр Алексеевич родился в 1935 году в станции Зольской Кировского района Ставропольского края. После службы в армии окончил филологический факультет Пятигорского государственного пединститута иностранных языков. С 1966 года по настоящее время работает главным редактором газеты "Учитель". С 2006 года — "Наш университет". Выпустил в свет 21 книгу. Заслуженный работник культуры России, член Союза писателей России, лауреат губернаторской литературной премии имени Андрея Губина, член Союза журналистов РФ, лауреат премии имени Германа Лопатина. Живёт в Пятигорске.

сти не верят, что так мало — даже комиссию присылали. Убедились. И снизили — пол-литра разрешили детям оставлять. А что с ним, этим пол-литром, делать, когда ничего другого нет. Вот и пошла Мария на необработанное поле кукурузы, хотя это каралось тюрьмой. Будь что будет, не помирать же ребятишкам с голоду, да и сама в чем душа. Были февральские “окна”.

Мария чуть свет отправилась с подругой, у которой и того больше ртов: четверо детей, свекруха и собственная мать. Все на ее шее. Едва только рассвело, а они уже наполнили свои небольшие котомки и счастливые возвращались домой. Еще вчера они пронюхали, что объездчика не будет — в город уехал. Значит, их никто не арестует, не отберет кукурузку. Подруги не шли, — летели по степи со своими котомками и не заметили, как испортилась погода. Снега давно не было — стоял еще в январе. Хотя и холоднова-то. И вдруг пошел дождь, почти как летом, сильный, не прекращающийся, но холодный, переходящий в снег. Промокшие до нитки подружки радовались: в такую погоду хороший хозяин собаки со двора не выгонит, а не то чтоб объездчик какой поехал оберегать гниющее социалистическое имущество.

Домой они пришли не по улице, а через сады-огороды, чтоб меньше видели, потому что обязательно найдется добрая душа, которая подскажет объездчику или уполномоченному, как он промухал расхитителей.

На радостях Мария, у которой уже зуб на зуб не попадал от холода, не стала переодеваться в сухое, а стала рушить кукурузные кочаны, чтобы потом смолоть на самодельной мельнице-втулке и наварить детям мамалыги. Когда мамалыга была готова, Марию всю трясло, температура поднялась до сорока, и ее непослушные Шурка и Юрка, уплетая вкусную мамалыгу, не сразу заметили, что Мария не села за стол, а, укрывшись тулупом, легла прямо на неразобранную постель.

— Мам, а что ж ты не ешь с нами? — спросил старший сын Юрка.

— Я, наверно, приболела, — ответила Мария. — Шурик, принеси, сынок, хину. На припечке порошок лежит. И водички.

Шурка все исполнил немедленно. Из-за стола вылез уже насытившийся Юрка, подошел к кровати.

— Мам, а хочешь я тебе мамалыги в кровать принесу? Поешь, пока горячая.

— Спасибо тебе, мой золотой. Спасибо вам, мои хорошие, — ответила Мария, — я потом. Согреюсь и потом поем.

— Хорошо, мам. Я чугунок накрою тужуркой, чтоб не остыла. Ладно? — спросил Шурка.

Мария погладила его по головке и только потом благодарно кивнула. Сыновья стали убирать со стола, помыли черепянную чашку — тарелок в доме не было. И тогда Мария подозвала к себе Шурку:

— Шурик, ты же старший?

— На целый год старше Юрки.

— Вот я как к старшему и обращаюсь к тебе. Сходи в сарай и подлюжи Буренке сена. А потом как съест, возьми ведро и напои ее. Сам к колыдцу не подходи, попроси тетю Полю или еще кого. Ладно?

— Ладно!

— Я на тебя надеюсь.

Мария думала, что ее простуда быстро пройдет. Но ей становилось хуже. Скоро прибежала подруга Полина.

— Ты чего это, кума, расквасилась? Не имеешь права. У тебя вон какие орлы. Глядишь, и Петро с фронта скоро заявится. Не раскисай. Давай-ка разберем постель, раздевайся, я сейчас еще печку подтоплю, воды нагрее, ноги попарим. Не раскисай! Сейчас сбегаю домой — у свекрухи где-то граммулька козьего жира есть — грудь натру, очень помогает.

— Не шибурнись, Поля. У меня малярия.

— Все равно не смертельно.

Мария встала с постели. Разобрала кровать, разделась и залезла под одеяло. Полина еще сверху положила тот же тулуп. Потом сбежала домой, принесла пару кизяков, три-четыре щепки, растопила печь, тепло снова пошло. Время от времени Полина, сидя у изголовья Марии, поправляла одеяло, ук-

рывала плечи, дала еще один порошок чудом сохранившейся хины. И когда увидела, что Марии стало немного лучше, заторопилась:

— Ну побегу, а то дома тоже надо управляться. А вечером я еще зайду.

Болезнь Марии затянулась. На работу она уже не ходила, хотя бригадирша не раз звала ее:

— К севу готовиться надо. После войны болеть будешь.

— Я бы рада, — тихим голосом отвечала Мария. И невооруженным глазом видно было, что ей еще лежать и лежать. Она с ужасом думала о том, что через неделю кончится кукуруза. Чем кормить детей? А сена почти не осталось — дня на три, не больше.

С отчаяния и чтобы не доводить до полного опустошения сарай, Мария все с той же Полиной однажды ночью запрягла Буренку и съездила в поле. Набрали небольшой возок стеблей кукурузы, лабузы по-местному. Поделили поровну. У той тоже с кормом плохо. А коровы хорошо едят лабузу. Мария теперь снова вспоминала об этой удачной поездке и корме, который уже на прошлой неделе кончился и пришлось давать понемногу сена, оставленного на самый крайний случай. При одном воспоминании об этом Марию снова трясло, и поднималась температура.

А тут еще горе: перед самым вечером безрукий почтальон, который полдня кружил вокруг двора Полины, наконец, вручил ей похоронку на мужа. Неистовый крик Полины Мария слышала сквозь сон — на какое-то время она вздремнула, и вот слышит крик. Сразу поняла, что это подруга и что за беда настигла ее. Мария вскочила с кровати, и, накинув на себя какую-то одежку, побежала к подруге. А та до хрипоты кричала одно слово:

— Не-ет! Не-ет! Не-ет!

Мария обняла подругу, стала гладить ее по голове, по спине. Успокаивать.

— Да не надо, Поля. Может, ошиблись... Я сон видела, забыла рассказать. Хороший сон. Будто мы идем где-то в поле. Я, ты, мой Петя, твой Иван и наши дети, твои, мои. Такая ясная погода... успокойся, Поля, день такой ясный. И поле. Все в тюльпанах. Красных-красных. А я говорю: Давай нарвем. А ты говоришь: зачем же такую красоту портить. Пусть себе растет и всех радует. И не сорвали. Ни ты, ни я... Такой сон только к добру. Не может быть, чтоб так вот. Иван живой. Вот увидишь.

— Не-ет! Не-ет! — снова закричала Полина.

— Поля, ну послушай меня. Бывает такое. Сколько случаев. Я недавно в газетке читала... Да что там читала — вон у Надьки Тарасовой. Пришла похоронка, а вчерась — письмо с дороги. Домой едет. Вот увидишь, ошибка...

В дверь сильно застучали.

— Боже, что случилось? — испугалась Мария.

— Мам, скорей домой иди, папанька с фронта приехал! — пискливо кричали Шурка и Юрка.

— Вы чего там буровите? — ничего не понимая, взволнованно спросила Мария.

— Правда, скорей: он ждет!

Полина вытерла слезы, поправила волосы и говорит:

— Твой пришел, чего стоишь, Мария?! Иди же.

И Мария побежала. Не заходя во двор, перед калиткой, на костылях, без одной ноги, в выдавшей виды шинели, с вещмешком за плечами и патефоном в руке стоял ее Петя, Петр Кириллович Худяков. Мария бросилась на него, чуть не сбив на землю. Петр едва удержался на костылях и одной ноге, а Мария истерично закричала:

— Петечка пришел! Прише-е-ел! Поля, мой Петя-а-а... — и сама потеряла сознание. Полина, отключившись от своего горя, прибежала выручать подругу. Кто же еще поможет ей? А безногий Петр Кириллович, бросив один костыль, опираясь на другой, неуклюже топтался вокруг и повторил: “Маша, Маш, я ж с тобой!” Полина, дети, Петр и еще кто-то из оказавшихся здесь взрослых внесли Марию в хату. Кто-то нес, а кто-то вприпрыжку зади двигался. Откуда-то нашелся нашатырный спирт. Дали понюхать, потеряли виски, и через две-три минуты Мария очнулась.

— Напугала как, — улыбаясь, сказал Петр. — Так и думал, без жены останусь. Всю войну прошел и дома такое...

— Ну здравствуй еще раз, моя хорошая. — И он стал целовать Марию, детей, заплаканную Полину. — Здравствуйте, все!

— Здравствуй, Петенька, — виновато радовалась Мария. — Пришел?

— Пришел, — отвечал Петр, сидя на табуретке. — А Ивана нет? Придет и Иван, — бодро, еще не зная о похоронке, сказал он Полине. Но та в слезы.

— Вот, сегодня принесли, — показала она похоронку, которую так и не выпускала из рук. Видя ее рыдания, чувствуя некую вину перед ней, он все же успокаивал Полину:

— Пустая бумажка. Не такой Иван, чтоб в конце войны погибнуть. Придет. Еще немножко осталось. Надо просто подождать. Это меня отпустили: безногого. А здоровые добивают Гитлера. Добьют и придут, Полечка. Не надо так...

Было около трех часов пополудни. За столом сидела счастливая семья. Мария, Петр Кириллович, Шурка и Юрка. Гостей пока не приглашали. Петр достал из вещмешка консервы, хлеб, колбасу, словом, сухой паек, и вот теперь изголодавшиеся дети, да и Мария, улыбаясь до ушей, ели. А Петр только наблюдал за ними. Мария подложила ему мамалыги.

— Вот какой у нас харч. Да и то слава Богу...

Далее она стала хвалить детей, какие они у нее помощники, а Шурик прям отца заменил. И воды принесет, и за коровкой посмотрит, управится. И Петр радовался, то и дело щекой прижимался к жене, сыновей похлопывал по спине, слегка подергивал за вихры:

— Молодцы, так и надо.

Шурка и Юрка цвели от похвалы родителей и верили, что они такие и есть на самом деле. И вовсе никуда они на целый день не уходили, и коровку без поила и корма не оставляли, и в хате раскордаш не устраивали, когда мама уходила в степь, в бригаду.

Но Петр уже знал, что корма корове осталось дня на три, а самим — на недельку, ну, может, паек чуть продлит сытую жизнь. Он думал о том, что завтра пойдет в стансовет, в правление колхоза, куда угодно, но чтоб дали ему работу, и тогда все будет в порядке. Мужик он или кто? Хоть и безногий. Мария не могла наглядеться на мужа и поглядывала на часы: до ночи еще далеко. Оба они истосковались друг по дружке. Даже если б Петр Кириллович и без обеих ног пришел, она радовалась бы не меньше: живой! Сколько их не вернулось. В каждом дворе один — два, а кой у кого и по трое навсегда остались в полях или болотах, в России, Польше, Германии... А Петр пришел. Насытившись, дети еще некоторое время сидели за столом, любуясь папкинскими орденами-медалями.

— А пластинки есть? — глядя на патефон, спросил Шурка.

— Есть, — ответил отец.

— Давай поставим! — хором выпалили Шурка и Юрка. Отец улыбнулся, раскрыл патефон, достал ключ, сделал несколько энергичных оборотов. Потом взял пластинку, поставил ее. На всю хату и даже на улицу разносился голос знаменитой певицы Лидии Руслановой:

*...По морозу босиком
К милому ходила.
Валенки, валенки,
Ох, не подшиты, стареньки...*

Счастливые Шурка и Юрка с наслаждением слушали певицу. Мария подошла к патефону и остановила пластинку.

— Потом, ребятки, потом. Неудобно. Вы же видите, что у тети Поли горе?

— Ладно. Завтра поставим. А еще есть пластинки?

— Есть, есть, — ответил отец. И мальчики побежали на улицу хвастать наградами. А Петр и Мария жарко обнимались-целовались, предвкушая ра-

дось любовной игры без оглядки. Но удержаться до ночи они не смогли. Мария посмотрела в окно: Шурка и Юрка в окружении своих друзей очень энергично жестикулировали. Мария подошла к двери, закрыла ее на крючок и, забыв о своей малярии, быстро разобрала постель...

А события на улице развивались не менее стремительно. Проходившая мимо тетка Нюся Голубева упрекнула как бы невзначай счастливых мальчишек:

— Отец с фронта пришел, без ноги, а вы вместо того, чтоб по дому помогать, уже на улицу выскочили. Вон корова голодная ревет... Что ж это вы так, мужики?

И пошла себе дальше. А Шурка и Юрка сразу посерьезнели и вскоре ушли домой. По дверь была заперта. Стучаться не стали. Шурка как старший внес предложение: “Давай лабузы привезем? Запряжем Буренку в коляску и быстренько смотаемся в степь. Тут недалеко”.

Сказано — сделано. Взяли серп, вывели из сарая корову. Она послушно вошла в оглобли небольшой тележки и (не впервой) друженько побежала по дороге. Шурка погонял, Юрка сидел рядом. Холодало. С неба посыпал снежок. Пока они доехали до края станины, снег усилился. Кукурузное поле в двух километрах. Ерунда какая. Шурка вошел в роль возницы и уверенно покрикивал на Буренку, а она, словно понимая, что в поле ждет ее лафа, кукурузные стебли, да может, и кочанчик где попадетя, торопилась вперед. Вот и поле. Кочаны убраны, а стебли хорошие. Мальчишки заехали прямо в середину поля, остановили свою тележку, не распрягая Буренку, и стали жать лабузу, складывать ее в кучки, потом носить на телегу, складывать кучку в кучку.

А снег тем временем пошел такими большими хлопьями, что Буренку почти не было видно. Шурка и Юрка, увязав свой возок старой веревкой, решили ехать домой, но вдруг увидели, что кругом метет, и они не знают, в какую сторону ехать. Устроившись впереди возка, они было приказали Буренке идти. А она остановилась, не идет.

Снег и ветер усиливались. Уже закружило, закрутило, как говорят, зги божьей не видно. Как-то быстро наступила ночь, то есть это была еще не совсем ночь, но потемнело, и все сливалось в едва различимой круговерти. Шурка и Юрка только сейчас почувствовали, что у них промокли ноги, что вообще время, все, даже церковь, с этого расстояния просматривалось хорошо. Шурка как старший слез с возка, подошел к Буренке и стал просить ее:

— Буреночка, поехали!

Она вытянула шею и протяжно промычала: “Му-у-у-у!” Но с места не сдвинулась. Снег продолжал валить шапками. На длинных ресницах Буренки были уже комья мягкого снега. Она, жуя, моргала и сбрасывала, эти комья, но проходило две-три минуты, и глаза снова залепляло снегом. Снегу стало по пояс Шурке. Он, обнимая Буренку за шею, по-прежнему просил:

— Ну Буреночка, поехали домой. А то мамка заругает. И папанька заждався...

— Шугани ты ее хворостиной и быстро пойдет, — посоветовал Юрка с возка.

— А где ж я тебе хворостину эту возьму? — удивился Шурка. И вдруг его осенило: он залез на Буренку, как на коня, и, ударяя ногами по бокам, стал кричать:

— Поехали, Буренка, поехали!

И та стронула с места, метров сто прошла и снова остановилась. Шурка пискливо кричал:

— Че стоишь, тебе же хуже будет — замерзнешь, дура!

Буренка сделала еще шагов сорок и остановилась как вкопанная. Ни уговоры, ни пинки в бока, ни пискливые приказы на нее не действовали. Шурка даже вспотел и забыл про свои мокрые ноги. Зато Юрка начал упрашивать брата:

— Шур, я замерз, иди погрей меня.

— Отстань ты, мерзляка, — отвечал Шурка. — Ехать надо, пока нас тут совсем не замело. Ночь на дворе.

И он снова стал бить Буренку своими окоченевшими ногами по бокам:

— Поехали, Буренушка, поехали!

Буренка послушалась и на этот раз прошла метров двести. Ребята обрадовались. Но преждевременно: больше Буренка не сделала ни одного шага. Снега намело слишком много, а тележка на железных колесах. Снег прилипал, колеса не крутились. Снег продолжал падать шапками. В темноте и в горячке наездник Шурка не заметил, как потерял один промокший ботинок. Дырявый носок быстро обледенел. Шурка слез с Буренки и полез к Юрке.

— Нога замерзла, не могу. Может, сходишь посмотреть, где дорога, а я пока отогрею ногу?!

— Я боюсь, — начал умолять Юрка.

— Чего ты боишься: станица рядом.

— Волков боюсь, отговаривался Юрка.

— А они есть тут?

— В степи зимой всегда волки ходят.

Шурка подумал и ответил:

— Они на людей не нападают.

— А Буренка? Как с ней? Нас же мамка убьет за Буренку, если они съедят ее.

— Ладно. Давай помолчим и согреемся немножко.

Закопавшись в лабузу на своем небольшом возке, мальчики прижались друг к другу и стали прислушиваться. Разыгралась сильная метель, пурга. Ветер свистел в углях. Быстро темнело. Была сплошная белая тьма.

— О, слышишь, к вечерне звонят, — сказал Шурка. — Значит, еще не совсем ночь. Слышишь?

— Слышу. Но к вечерне не так звонят, даже часто. Может, нам сигнал подают? — спросил Юрка. — Слышишь — и звонят, и звонят. Как будто на пожар.

Шурка и Юрка не знали, что очнувшись от счастья отец и мать их вдруг вспомнили, что детей нет дома. Мария вышла на улицу. Не видал ли кто. Видали — они куда-то на телеге поехали. В оглоблях — Буренка. Мария, сама еще больная, стала ходить по дворам, с кем бы пойти на поиски. Полина правильно вычислила, что они недалеко, но метель и не видно. Надо подать какие-то сигналы. Нашлось человек десять — двенадцать, которые вышли на окраину станицы и стали стучать в разные железки, звать:

— Шура! Юра-а-а!

А Петр Кириллович догадался послать к старому глухому звонарю церкви, чтобы тот с колокольни звонил без перерыва. Это нужно и тем, кто пойдет на поиски, и может, ребята услышат да поймут, в какую сторону им надо идти. Часа два люди ходили, ходили, стучали, кричали и разошлись по домам, потому как никто не знал, где искать, а степь большая. Тьма крошечная и метет, метет.

У Марии снова поднялась температура. Она раза три теряла сознание и все вырывалась на поиски. Петр Кириллович, не отходявши я от нее, едва удерживал Марию и все успокаивал ее:

— Все будет хорошо. Ребята смысленные. Сама ж говорила: взрослые, помощники. Значит, просто далеко уехали. Бурю пересидят где-нибудь под скирдой и придут вместе с Буренкой.

Но все произошло иначе: прижавшись друг к другу, братья Худяковы, обессилев, стали замерзать. Ноги у обоих давно ничего не чувствовали. Едва-едва ощущалось тепло друг друга, но и оно постепенно уходило. Свистевший ветер все выдувал. Шурка и Юрка сидели, не разговаривая, ничего не боясь, так как уже не было никаких чувств, даже инстинкт самосохранения не работал. Им отчего-то вдруг стало тепло, как дома, на русской печке. Оба они заснули. Юрка сразу, а Шурке снился приятный сон: лето, он с отцом, у которого обе ноги целы, на пруду. Ныряют, а потом загорают на берегу. И отец все рассказывает, рассказывает, как воевал, за что ордена-медали получил, как домой добирался, и обещает купить Шурке и Юрке по велосипеду. Уже большие. Пора и на велике кататься. Шурка уже знает, кому даст

покататься, а кому ни за что. Сеньке Коняеву, например. Он жадина-говядина, соленый огурец. Сон продолжился очень долго, а потом все ушло с экрана памяти.

Их нашли утром, первого марта тысяча девятьсот сорок пятого года. Буря и метель утихла. Был ясный день. Выпал такой обильный снег. Все говорили:

— К урожаю!

В этот день еще кто-то пришел с фронта. Да, Иван Федотов. Тоже инвалид. Руки-ноги целы, а на голове вмятина и тонкая пленка вместо кости. С детскую ладошку. Тоже радость вперемежку с горем. Но все же радость. А тут прямо беда.

Мальчики Худяковы, прижавшись друг к другу, окоченели, сидя в домашнем возке, закопавшись в лабузе.

Нераспряженная Буренка, моргая длинными ресницами, стояла вся в снегу, возле возка, и рядом с ней намело огромный сугробище. Только заиндевшая голова с сосульками у бороды торчала из снега.

В тот день еще двое инвалидов вернулись с войны, три матери получили похоронки на своих сыновей. А в семью Худяковых вслед за вчерашней радостью пришла самая большая беда, какая может постигнуть только двух людей, так преданно ждавших конца этой распроклятой войны.

ПОСЛЕДЫШ

I

Сады цвели необыкновенно густо: куда ни глянь, кругом белым-бело. Словом, весна достигала разгара. И неутомимые пчелы, и прочие насекомые, и щеглы, и скворцы своими голосами как бы напоминали людям: смотрите, как все молодо, красиво, гармонично. Настоящая жизнь.

А мы с другом Анатолием сидели за праздничным столиком на скромной даче Раисы Федоровны, уже десять лет как овдовевшей, но так и не устроившей новую семью. Да и живущей не в своей однокомнатной квартире (отдала её дочери с пятнадцатилетней внучкой), а здесь, в дачном домике с площадью шесть квадратных метров.

“Мне и одной хорошо. Такого, как покойный муж, не найти, а создавать видимость не стоит... Ну а мы с Эдиком, — она кивком указала на сидящего рядом пожилого мужчину, — просто друзья. По старой памяти”.

Ее другу Эдику, Эдуарду Вардзаповичу, уже за восемьдесят. Тоже вдовец, фронтовик... Они крепко дружили семьями. Потом, когда эти семьи наполовину сократились, в память об ушедших Раиса Федоровна и Эдуард Вардзапович продолжают дружить, не переходя прежних границ. Отзывчивость, взаимопомощь — норма отношений старых друзей.

Рядом с дачным участком Раисы Федоровны громоздился трехэтажный особняк с гаражом на пять авто. Там, во дворе соседа, крупного предпринимателя, шустро скупившего за бесценок ваучеры сотрудников обувной, мебельной фабрики, кирпичного завода, открывшего своё дело, и теперь он с братьями и сестрой владелец самых крупных рынков в городе — в его скромной усадьбе уже начался праздник. Большой праздник — День Победы. Гремела музыка, песни, в которых невозможно разобрать ни одной фразы. Лишь иногда прорывались слова обитателей особняка:

— А что ты хочешь? Это же бизнес. Да, да, бизнес. Надо будет замочить и замочу!

Потом музыка перекрывает своими децибелами все человеческие голоса. И уже невозможно без напряжения говорить даже здесь, на почтительном расстоянии от источника. Хочется уйти, но нельзя: старые друзья позвали нас разделить с ними тихую праздничную трапезу. Им необходимо общение — дети давно взрослые, у них свои семьи, а тут мы, вроде бы единомышленники. Во всяком случае, в вопросах дачных дел. Мой друг Анатолий превзошёл всех нас по дачному искусству. Каждую свободную минуту он

отдает грядкам, деревьям, парникам. И при наших встречах один из первых его тостов: “За нашу землю”. Ну а я, работающий пенсионер, всего один раз в неделю прихожу на свою шестисотку. Понятно, что особо хвалиться нечем... Однако для здоровья полезны и такие занятия, да и кое-какая прибавка к общему бюджету.

Мы сидим, попиваем вино, говорим о Дне Победы — кто как и где встретил этот светлый день. Поминаем всех, кто действительно сотворил её, но до этих дней не дожил.

Эдуард Вардзапович, седой, угрюмый человек, смотрит на нас:

— Вот вы говорите о Победе. Хорошо. Молодцы. Видно, кое-что знаете. Но они, — он старческой рукой указал на соседнюю усадьбу, — похоже, ничего не знают. Ну, может, из книг, кино. Но там столько вранья, особенно в последнее время. Кому-то хочется стереть из памяти человеческой все подвиги, все наши потери, приписать Победу тем, кто сбоку-припеку был коло войны. Те же американцы — второй фронт открыли, когда миллионы советских солдат уже погибли или попали в плен, а главное — было видно, что Гитлеру не устоять, победа будет за нами... Вот тогда и они присоседились — как бы не потерять германский кусок. И потом, позже, даже договорились до того, что рассказали своему народу о войне, которую якобы они, американцы, выиграли. Без них русским была бы крышка. Брежнев все это. Да, американцы, хоть и с большим запозданием, помогали нам техникой, продовольствием. Помогали. А погибали, в основном, русские. Около тридцати миллионов наших и шестьсот тысяч американцев. В пятьдесят раз меньше. И они победили. Но ведь внушают же эту чушь.

Вдруг музыка соседей прекратилась. Видно, они решили отдохнуть от неё. Зато зазвучали хрипатые голоса: “Да мне по барабану, что нет у тебя бабла. Сроки. Ты понимаешь: сроки! Все. Время пошло”.

Кто к кому предъявлял такие вовсе не праздничные претензии, мы не знали. Ясно одно: соседи Раисы Федоровны слишком крутые и никакого им дела нет до Дня Победы. Это лишь повод собраться для своих разборок.

Вскоре загудели моторы. Одна за другой машины стали выезжать из гаража. И, наконец, наступила полная тишина.

— Эдуард Вардзапович, вы, конечно, правы. Но как вы думаете, зачем все это делается? Ведь уже договорились до того, что Зоя Космодемьянская не герой, Гастелло не героиней, Александр Матросов не герой, зато предатель Власов — герой, Бандере, убивавшему тысячи украинцев и русских, памятники ставят, национальным героем сделали. Почему?

Тяжело вздохнув, Эдуард Вардзапович произнес:

— Это большой вопрос. Коротко на него не ответишь. Причина прежде всего в тех, кто развалил Советский Союз, кто продолжает разваливать Россию. Я вот в одной газетке прочитал, что во всех войнах, в том числе и в Отечественной, мы не понесли такого урона, как в нынешней тотальной, где уже лишены четырех миллионов квадратных километров территории страны, что значительно больше, чем вся Германия, Италия, Испания вместе взятые. Вот где враги наши. А если говорить о Победе, то я скажу: она была нужна всем нам — русским, украинцам, армянам, казахам, татарам, всему человечеству. И мы её сделали. Слишком дорогой ценой, но сделали. О цене расскажу на примере одной моей семьи. Послушайте.

II

Веточка цветущей черешни касалась плеча Эдуарда Вардзаповича, и он, подтянув её к своему лицу, тихо восхитился: “Как пахнет”. А потом начал свой рассказ:

— Ну так вот, послушайте. Рая знает мою историю, а вы — нет...

Раиса Федоровна пододвинула к нему тарелку с закуской, Анатолий освежил стаканы, мы вышли за Победу.

— Если я чего-нибудь пропущу, Рая подскажет... В нашей семье было семь душ детей. Четверо папанов и три девочки. В голодовку девчата поумирали, а я с братьями как-то выжил. Хотя тоже наголодались: ели мерзлую

репу, весной лебеду, дикий чеснок, конский щавель, корни солодника, цветы акации, кашку, по праздникам — жмых. В общем, выжили. А тут война. Первыми на фронт ушли отец и старший брат. Мы тоже рвались вслед за ними, но нас не пускали. Малолетки: Вагану семнадцать, Вазгену шестнадцать, мне — пятнадцать.

Война гремела вовсю. Первую похоронку мама получила в сорок первом. На брата. Погиб под Тирасполем. Потом пришло письмо от отца. Они с братом в одной части служили. “Крепись, мать, — писал он. — Нет нашего дорого Рустама. Он погиб как герой — до последнего патрона держался, а когда его раненого схватили, подорвал себя и четверых фашистов... Горе наше большое. Но это война... Верь и сыновьям скажи — пусть готовятся. Может, и им придется повоевать. Силица на нас прёт такая, что не удержаться. Но мы держимся. И будет на нашей улице праздник. В общем, крепись и еще раз крепись, родная. А за Рустама я отомщу. Мальчикам скажи, что я на них надеюсь. И страна тоже надеется. Целую. Твой Вардзап”.

Мы наизусть запомнили это письмо. Оно было для нас как присяга.

Мама всю ночь проголосила. На всей улице слышно было. Мы не отходили от неё. Кулаки чесались — хотелось мстить и мстить.

Ваган сумел год приписать и уйти на фронт раньше срока. Как мы ему завидовали. Он попал в снайперскую группу — у него ещё до войны был первый разряд по стрельбе. Всего два письма от него получила мама. Нам же он не писал. Некогда. Как она радовалась этим письмам. Всем соседям показывала. “Представляет: снайпер. Бьёт гадов. Уже и медаль “За отвагу” получил. Мстит за брата”. Вот-вот должно прийти третье письмо.

Но пришла похоронка. В тот день мама чуть не умерла от горя. Если бы не тетя Катя, сестра её, точно умерла бы. Она все время сидела с ней рядом, успокаивала: “Ну что поделаешь — на войне убивают. У тебя еще два сына есть и муж. А у меня один-единственный сын был и тот погиб. Осталась я совсем одна. Больно, горько, но жизнь продолжается. И надо держаться. Давай вместе будем держаться”.

Мама перестала голосить. Тетя Катя обняла её, и так они до поздней ночи просидели на кровати. А мы во дворе под раскидистой орешней строили планы, как поскорей уйти на фронт, не дожидаясь своего срока.

Не успели мы наплакаться по Вагану, как подошла очередь третьего брата. Вазгену не хватало одного месяца до совершеннолетия, но он уговорил военкома. “Пока я буду добираться до фронта, и месяц пройдет. А я уже на месте. Готов сразу в бой”.

Опять рыдания, вопли матери, но брат был неумолим. “Не мешайте мне. Я знаю, что делаю”. В общем, проводили его. Дома траур. Одна радость — хоть редко, но приходили письма от отца. И мама по-прежнему читала их соседям, рассказывала. “Бог хранит моего Вадзапа. Ни одного ранения. Не слезит бы. А что ждет Вазгена? — вслух размышляла она. — Молодой, горячий. Только одна надежда — на милость Божью”.

Курс молодого бойца, писал Вазген, прошел за месяц. И сразу в бой. Точной информации не было. Может, именно в том первом бою он и погиб. Была лишь похоронка. И краткое письмо от командира взвода. “Ваш сын героически пал в бою под городом Ровно...”. А вслед за этими бумагами — письмо от отца. Он уже знал о гибели Вазгена. И так писал: “Помни, ты не одна. У тебя есть еще я и Эдик. Мы скоро увидимся. Сомнений нет — Гитлеру точно капут. Гоним его, как бешеную собаку. Получит он свое за наши потери. Надеюсь, Эдик увидит, как эти нелюди сами взвоют от боли. И боль эта будет от наших рук. Крепись, моя хорошая. Я все время думаю о вас и о павших: Рустаме, Вагане, Вазгене. Будем гордиться ими. До свидания. Целую. Твой Вадзап”.

Война уже шла к своему завершению. У большинства было хорошее настроение. А похоронки, хоть и реже, но приходили исправно. Мама последнее время носилась со мной как с писаной торбой... “Эдик, джан, почему не покушал?” Мне хотелось отдать ей свою порцию баланды из гнилой кукурузы. Но она не отступала: “Как воевать будешь? Плохо ешь — откуда силы?”.

— Не беспокойся, мама, есть у меня силы. Посмотри, какие мускулы.

— Вай, не смеши меня. Мускулы. Да это же тряпки какие-то. Кушай, пожалуйста. Сынок, кушай, кушай. Война еще не кончилась... А призовут, что делать будешь этой тряпкой.

И она потрепала свисавшую кожу на моем хилом теле.

— Мама, у меня автомат будет. ПППШ. Не беспокойся за меня. А стрелять я не хуже Вазгена умею.

За трехметровым забором снова шум, суета. Видно, вернулись драгоценные соседи Раисы Федоровны. Было слышно, как одна за другой въезжали в гараж иномарки. Других машин у “новых русских” не было.

Из-за забора из желтого кирпича слышались взволнованные голоса:

— Ну сбил ты старуху. Ей все равно помирать. Зачем с места ДТП уехал? Не остановился помочь...

— Какой помочь? Скорость сто сорок.

— Так. Бери зеленые и давай к ментам: надо всё уладить немедленно. Поезжай на моей машине. Вот ключи. А я займусь ремонтом твоей. У меня есть хороший мастер... Все заделает, будет как новенькая.

— А что со старухой делать?

— Дебил. Ей уже не поможешь. О себе думай.

Снова загудел мотор “Тойоты” и грохот закрывающихся железных ворот гаража.

“Новые русские” врубили музыку, но теперь она звучала несколько потише.

И голоса крутых соседей стали невнятными, не резали слух, сливались в общее гудение, из которого не выудить ни одной фразы.

Эдуард Вардзапович и мы молча жевали, пили вино. Было понятно, что преступники рядом, но взять их невозможно. Доложить в милицию — себе дороже.

— Что вы, что вы? — запричитала Раиса Федоровна. — Мне здесь жить. Если вмешаться, то они мою лачугу спалят. Нет, нет, пусть уж лучше сами разбираются. Давай, Толя, наливай, и пусть Эдик продолжит свой рассказ. Это интереснее.

Эдуард Вардзапович поднял стакан и опять глубоко вздохнул:

— Вот видите: их ничто не берёт. И никто не возьмёт — они нынче хозяева жизни. А разве за такую жизнь мы воевали? Я все время рвался на фронт, весь кипел. Но когда принесли повестку, впервые задумался: вот сейчас уйду, а мать останется одна. В пустой хате. Вы не представляете, что такое пустота в душе и в хате, где еще недавно на все лады раздавались голоса пяти мужчин... Держу я повестку в руке и говорю: мам, вы возьмите к себе бабушку. Чего она одна? А вдвоём вам будет легче, веселей....

Тут он вытер глаза левой рукой и закончил: давайте выпьем за то, чтоб никогда ни у кого не было такой пустоты... И за Победу, за всех ее героев — павших и живых.

Выпили. Помолчали. Закусили. Потом Эдуард Вардзапович, отодвинув цветущую веточку черешни, которая свисала над его головой, продолжил:

— Никогда не забуду, как мама провожала меня на фронт. Стоим мы с нею на платформе. Вот-вот поезд должен отходить. Она держит мою руку и говорит:

— Доведется увидеть отца, передай: советы его выполняю, как могу, держусь и жду живого. Вас обоих, живых. Так и передай, мой последний, моя последняя надежда, Эдюшенька.

Я освободился от её руки, крепко обнял, поцеловал её и убежал в вагон-товарняк. Я не выдержал её наставлений, не хотел, чтоб она увидела слезы на моих глазах, и уже из вагона крикнул ей: “Береги себя, мама-а. Я вернусь”. А потом, когда поезд тронулся, я очнулся и стал ругать себя — зачем я так? Надо было сказать: мы с папой вернемся, но исправить ошибку уже было невозможно.

Музыка за трехметровым забором из желтого кирпича звучала по-прежнему, однако в общем шуме стали различаться и женские голоса: “Дура, что ты делаешь? Черную икру надо с блинами, а красную — на бутерброды”. Этому голосу отзывался другой: “Прям сразу и дура... Понаставили тут все-го и разбирайся, как хочешь — где, что”. Вмешался третий голос: “Да выключи ты эту дребедень... Давай “Ламбаду””.

— Эдуард Вардзапович, — вмешался мой друг Анатолий, разливая вино. — Чего это мы прислушиваемся, что там за забором творится? Давайте лучше выпьем за ваше здоровье.

— Здоровье — это хорошо. Спасибо, — отозвался Эдуард Вардзапович. Без него — никуда... Спасибо вам, ребята.

Зазвенели стаканы.

— Ну что, рассказывать свою историю дальше?

— Не вопрос. Рассказывайте, — ответил мой друг.

— Правда, Эдик. Пусть послушают. Да и мне интересно, — добавила Раиса Федоровна.

— Ладно... Вот жизнь: только зацвела черешня, а пчёлка уже тут как тут. Труженица.

Он отодвинул цветущую веточку в сторону и пересел поудобнее, чтоб не мешать пчёлке.

— Освоился я быстро. Через пару недель принял присягу и — в бой. Это было уже под Варшавой, в составе 1-го Белорусского фронта. Вот сейчас польская пропаганда орет: “Советский Союз — оккупанты. Бедную Польшу оккупировали...” Да если б не мы, не Красная армия, рухнул бы весь Краков, заминированный немцами. Да и Варшаву бы стерли с лица земли. А мы не допустили этого. Шестьсот тысяч советских солдат полегло, из них триста тысяч только в боях за Варшаву. А они пищат: оккупанты, оккупанты. Хотел бы я посмотреть на эту страну, если б не мы, не наша армия... Так вот здесь я узнал, что в одной из частей 1-го Белорусского фронта воюет мой отец. Замполит даже пообещал организовать нашу встречу. Может, даже в его часть перевести меня. Я так обрадовался, что успел маме короткую писульку отправить — пусть порадуется за нас. Но случилось все иначе. Тот же замполит сообщил мне, что в городе Жирардуве, недалеко от Варшавы, героически погиб капитан Миносян, мой отец. Конечно, похоронка без задержки была отправлена маме. Но как мне ее утешить? Как поддержать? Я же помню, как она провожала меня, самого младшего из всех ее детей, как ласково называла меня “мой последний”, как я обещал ей обязательно вернуться... И вот мы уже идем на Берлин. Знаю, что бои предстоят страшные... Но я обязан уцелеть. И воевать должен на пределе — отомстить за братьев, за отца.

Прошел февраль, март сорок пятого. Ни одного ранения, а на груди уже медали “За отвагу”, “За взятие Варшавы”. Вскоре бросили нас на Зееловские высоты. Самый сильный и последний укрепрайон фашистов. Атака за атакой, потери боевых товарищей, а он, гад, не сдаётся. Нашему отделению приказано подавить одну недосыгаемую огневую точку. Мы под шквальным огнем всё же подползаем к ней. Вот уже у цели. Пули свистят — “тик-тик”, а мы ползём. По команде одновременно закидали дот гранатами. И он затих. Но в этот момент по нам бабахнули из миномета. Четверо ребят насмерть. Я лежу раненый, теряю сознание и слышу протяжное “ура-а”. Догадываюсь, что мы действительно подавили фашистский дот.

— Анатолий, плесни-ка еще винца — что-то в горле пересохло, — попросил Эдуард Вардзапович. — Выпьем за моих боевых друзей, что остались там на этих проклятых высотах... А что со мной было дальше, я не помню. Уже война кончилась, а я еще полгода валялся по госпиталям. Как позже узнал, меня тоже за убитого приняли и послали маме последнюю похоронку. Когда оклемался, узнал, что случилась долгожданная Победа, что меня похоронили как героя. Вот, думаю, порадую маму. Уцелел её последний. Живой. Выполнил обещание — вернуться.

III

За трехметровым кирпичным забором гремела “Ламбада”; похоже, танцевали там до упаду. Хохот, веселье, праздник. А чего хмуриться? Это вот мы под впечатлением рассказа Эдуарда Вардзаповича, сами того не желая, превратили праздник в тризну. Праздник на то и дан, чтоб веселиться.

— Эдик, расскажи, как ты с фронта домой вернулся, — попросила Раиса Федоровна.

— О, да это совсем не праздничная история...

Анатолий освежил стаканы, а Эдуард Вардзапович предложил тост:

— За вас, мои дорогие. Я рад, что общаюсь с такими понимающими людьми... Ваше здоровье. А теперь закончу свою печальную историю.

Возвращался домой с одним солдатским вещмешком за плечами.

Подарков особых не было — матери пуховый платок, отрез на платье, да с десяток разных консервных банок — шпроты, сгущенка, говядина, пару колясок колбасы да банка кофе. Вот, думаю, обрадую мою дорогую мамулю.

В город приехал ночью. И сразу домой. Стучу. В хате нет света, но слышен голос:

— Кто это?

— Я, Эдик.

— Нету никакого Эдика. Иди своей дорогой.

— Mam, это я, Эдик. Я с фронта, прямо к тебе.

— Эдика нет. Он погиб на войне.

— Mam, ты что... это я твой сын.

Я тогда еще не знал, что в то время по всему югу России свирепствовала банда под названием “Черная кошка”. Бандиты приходили в дома, где были демобилизованные с войны мужчины. Как правило, большинство из них привозили целые чемоданы трофеев — одежда, часы, аккордеоны, платья и прочее.

Бандиты заранее наводили справки о таких семьях и, вооруженные холодным оружием, ставили всех на колени, всё выгребали из сундуков, чемоданов, и если оказывалось сопротивление, убивали на месте, потом исчезали, оставив на дверях рисунок черной кошки. Поэтому всякие ночные гости пугали население. Все боялись грабителей.

Не зная ничего из этого, Эдуард Вардзапович стучал в дверь родительской хатки на окраине города:

— Mam, ну хватит мучить меня. Это я, твой Эдик.

Свет по-прежнему не зажигался. Темный силуэт женщины просматривался в оконной раме. Конечно, это была мама.

— Mam, ну, пожалуйста, открой сыну-фронтовику, чего ты боишься?

— Мужчина, скажи, как звать твоего отца? — прозвучал вопрос из-за двери.

— Вардзап, — ответил Эдуард.

— А брата?

— У меня их трое: Рустам, Ваган, Вазген. Все они и отец погибли. А я живой, вернулся.

— Не может быть: на тебя похоронка приходила.

— А я живой. Как обещал тебе, вернулся.

— Мужчина, последний вопрос: как меня зовут?

— Аревик Суреновна.

— Вай, внучек мой, Эдичка, это я твоя бабушка. Не узнал. А мамки твоей нет. Не дождалась. Когда получила похоронку на тебя, в тот же день и скончалась. “Ждать больше некого”, — сказала и умерла. Вай, вай, мой дорогой внучек. Входи, входи...

Дверь распахнулась, и солдат, вернувшийся почти с того света, и его родная бабушка Варсеник, крепко обнявшись, долго-долго стояли у порога. Теперь они не могли произнести ни одного слова.

А наш рассказчик, Эдуард Вардзапович, закончив свое грустное повествование, предназначенное вовсе не для такого праздника, произнес последнюю фразу:

— Вот такой ценой доставалась победа.

А за кирпичным забором вдруг стихла музыка. Было слышно, как в гараж въезжал виновник ДТП.

— И как, получилось? — спросил кто-то из невидимых нам мужчин.

— Обижает, брат. Зелененькие решают любые проблемы.

И вновь на всю мощь загрела музыка. Звучал очень любимый всем народом марш “Этот День Победы”.